

УДК 327

DOI: 10.37468/2307-1400-2021-1-5-13

ХЛОПОВ ОЛЕГ АНАТОЛЬЕВИЧ

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ С НАТО И СИСТЕМА ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИЙ НЕОРЕАЛИЗМА

АННОТАЦИЯ

В статье представлен анализ отношений между НАТО и Россией в контексте формирования европейской системы безопасности в постбиполярный период на основе концепций оборонительного и наступательного реализма, которые в значительной степени проясняют характер политического кризиса и возврат к соперничеству за сферы влияния на постсоветском пространстве. Анализируя перераспределение силы в системе международных отношениях, автор отмечает, что странам НАТО и США следует учитывать исторические особенности и местоположение России, ее национальные интересы, усиление ее международных позиций, озабоченность проблемами безопасности у своих границ. На основе концепции неореализма делаются выводы о проблемах системы европейской безопасности и растущей неопределенности в мировой политике. Автор указывает на необходимость понимания со стороны Запада содержания внешней политики России, которая исходит из оборонительных предпочтений и поиска институциональных механизмов сотрудничества.

Ключевые слова: неореализм, евроатлантическая безопасность, международные отношения, баланс сил, Россия, США, НАТО.

KHLOPOV O.A.

THE RUSSIA-NATO RELATIONS AND THE EUROPEAN SECURITY SYSTEM IN THE CONTEXT OF THE CONCEPTS OF NEOREALISM

ABSTRACT

The article gives the analysis of relations between NATO and Russia in the context of the formation of European security system in the post-bipolar period based on the concepts of defensive and offensive realism, which largely clarify the nature of the political crisis and a return to rivalry for spheres of influence in the post-Soviet space. Analyzing the redistribution of power in the system of international relations, the author argues that the NATO countries and the United States should take into account the historical characteristics and location of Russia, her national interests, the strengthening of her international positions, and concern about security problems at her borders. On the basis of the concept of neorealism, conclusions are drawn about the problems of the European security system and the growing uncertainty in world politics. The author points out to the need for the West to understand the content of Russia's foreign policy, which proceeds from defensive preferences of realism and the search for institutional mechanisms of cooperation.

Keywords: neo-realism, Euro-Atlantic security, international relations, balance of power, Russia, USA, NATO.

Системные изменения и мировой порядок в постбиполярный период

Конец биполярного мира ознаменовал серьезные изменения в международной системе, которые объясняются процессами, связанными с перераспределением силы и власти, крахом великих держав

или империй и, в конечном итоге, подъемом других держав. Через призму политического реализма (неореализма) Джона Миршаймера и Кеннета Уотлца эти силы нацелены либо на гегемонию (наступательный реализм), либо на защиту своего статуса в иерархически структурированной и анархиче-

ской международной системе (оборонительный реализм) [1].

Неореализм (или структурный реализм) это теория международных отношений, которая утверждает, что сила, мощь (power) и влияние государства власть является наиболее важным фактором в международных отношениях. Неореализм, впервые описанный Кеннетом Уолтцем в его книге «Теория международной политики» (1979 г.), подразделяется на две части: наступательный и оборонительный реализм. Неореализм исходит из того, что природа международной структуры определяется ее принципом упорядочения, анархией (отсутствие формальной центральной власти) и распределением возможностей (измеряемых числом великих держав в международной системе). С одной стороны, наступательный реализм утверждает, что государства стремятся к власти и влиянию для достижения безопасности через господство и гегемонию. С другой стороны, оборонительный реализм указывает на то, что анархическая структура международной системы побуждает государства проводить умеренную и сдержанную политику для достижения безопасности. При этом агрессивная экспансия, продвигаемая наступательными реалистами, нарушает тенденцию государств подчиняться теории баланса сил, тем самым уменьшая основную цель государства, которая, как они утверждают, – обеспечение его безопасности. Хотя оборонительный реализм не отрицает реальности межгосударственного конфликта или наличия стимулов для государственной экспансии, он утверждает, что эти стимулы носят скорее спорадический, чем повсеместный характер, и что и указывает на «структурные модификаторы», такие как дилемма безопасности и география, а также убеждения и представления элиты, которые помогают объяснить возникновение конфликтов.

Системные изменения после окончания холодной войны были связаны с крахом биполярности, возможностями для расширения, распределения мощи, влияния и экономическим подъемом для других центров силы, прежде всего США и Европы как альтернативной модели мировой

власти. В то же время конец идеологического разделения Европы предоставил новые возможности для межгосударственного сотрудничества между бывшими соперниками, и разработки плана совместного общеевропейского режима безопасности.

В Европе США, играя ведущую роль в НАТО, выступили гарантом мира, стабильности, процветания и демократии и предоставили институциональные силы для создания конкретной архитектуры европейской безопасности. Бывшая советская сфера влияния была вовлечена в сложный процесс декоммунизации, в то время как Россия, самый могущественный преемник Советского Союза, стремилась к новой роли, ограниченной в пространственном региональном масштабе при отсутствии средств для прежнего влияния.

После холодной войны Восточная Европа и Евразия оказались в центре внимания новых игроков, а также в стратегии новой роли НАТО в действиях «за пределами зоны ответственности». Относительная мощь и вопросы лидерства в рамках Североатлантического союза позволили США продвигать взгляды на мир, влияющие на региональный баланс сил. Россия концептуализировала общую трансатлантическую деятельность как политику вторжения и окружения [2]. Европейские государства определили свои национальные предпочтения по отношению к Евразии на двусторонней основе, а также через политику НАТО. Для европейцев интеграция и расширение были неотъемлемой частью идеалистически обусловленного открытого процесса, темп которого определялся своеобразной концептуализацией международной политики. Для американцев стратегии после холодной войны были сформулированы на основе сочетания политических и военных параметров, гегемонистских или квазигегемонистских устремлений, подкрепленных явной исключительностью США, а также системной возможностью расширить свое влияние.

Расширения ЕС и НАТО были построены на необходимости создания общеевропейской системы безопасности. Оба процесса в определенной степени не смогли принять во внимание

две основные проблемы. Первая проистекает из противоречивых представлений о мировом порядке, которых придерживаются ЕС и США. Вторая касается стратегических приоритетов и баланса интересов региональных игроков, а также их положения в новой нестабильной международной системе. С теоретической точки зрения, международное поведение России представляет собой зависимую переменную, которая определяется независимыми переменными, такими как политика США и Европы в отношении ее роль в изменяющемся мировом порядке после окончания холодной войны, и ее способность защищать свои региональные и национальные интересы и статус.

Роль НАТО после окончания холодной войны и вопросы глобальной европейской безопасности

Дебаты по поводу расширения НАТО на раннем этапе после холодной войны первоначально были сосредоточены на необходимости укрепления европейской безопасности на основе четких военных рамок. Этот взгляд милитаризовал дискуссии по поводу расширения альянса и превратил их в приоритет для формирования нового мирового порядка.

Преобразование НАТО в 1990-е гг. было главным вопросом реформирования роли и смысла существования альянса, а также общей стратегии США в отношении Евразии. Расширение и трансформация явились результатом открыто сформулированных политических императивов и стратегического выбора новых членов. Альянс начал играть роль общеевропейского института безопасности в начале 1990-х гг. [3]. Тем не менее, эти рамки исключали Россию из формирующегося порядка безопасности в Европе. После введения концепции «глобального выхода НАТО» озабоченность России сосредоточилась на вопросах мирового порядка и своей роли в системе, в которой динамика американской гегемонии представляла собой предполагаемую угрозу [4].

Общая стратегия расширения и ее масштабы были изложены на мадридском саммите НАТО

1997 г., когда союзники пообещали, что дверь будет открыта для любой страны, «готовой и желающей» взять на себя обязанности членства в НАТО. Эта политика вызвала жаркие споры о достоинствах и цене расширения, о явных и скрытых мотивах, стоящих за ней, а также о том, как это расширение повлияет на внутривосточные отношения, а также на региональную роль России и ее восприятие трансатлантических отношений. Хотя у России не было жизнеспособной альтернативы, кроме как принять расширение НАТО, стало ясно, что политика НАТО в Евразии представляет собой реальную способность осуществлять то, что считается прерогативой в ближнем зарубежье.

Сближения России США в антитеррористической коалиции привело к подписанию Римской декларации «Отношения Россия – НАТО: новое качество» и созданию в 2002 г. Совета Россия-НАТО с целью отработки процедур совместного принятия консенсусных решений. Такое сотрудничество по возможности предполагало переход отношений России и НАТО на более высокий уровень с перспективой полноправного членства России в НАТО. Россия участвовала в совместных учениях, и проводила совместные с НАТО миротворческие операции. Министерством обороны России решалась задача повышения оперативной совместимости подразделений российских вооруженных сил и войск НАТО для успешного осуществления совместных мероприятий.

Под воздействием системных изменений после окончания холодной войны, террористических атак 11 сентября 2001 г. и настоятельной необходимости укрепить европейскую безопасность, НАТО расширилась и включило государства, имеющие большое стратегическое значение. Их важность для регионального баланса и их близость к России делают вопрос расширения сложным для его нынешних и будущих членов и ставят перед альянсом новые задачи. Участие новых государств в альянсе означает закрытие существенного вакуума в оперативной и стратегической сфере альянса с целью превращения Европы в компактную, единую и стабильную зону мира.

Внешняя политика России как баланс между оборонительным и наступательным реализмом

Распад Советского Союза и исчезновение советской сферы влияния создали временный вакуум лидерства. Новые евразийские страны участвовали в определении приоритетов своей внешней политики, и этот факт превратил регион в поле битвы противоборствующих взглядов на региональный и глобальный порядок. Первоначально внешняя политика России была сосредоточена на региональной роли в попытке защитить ее региональный статус и свое влияние в регионах (например, на Балканах), где Россия традиционно выступала в качестве мощного и активного игрока. Концептуально и оперативно это отражало политику, более близкую к оборонительному реализму К. Уолтца, чем к наступательному реализму Дж. Миршаймера [5]. Оборонительный реализм фокусируется не на экспансии и гегемонии, а на сохранении статуса государства в иерархически построенной международной системе, главной чертой которой является анархия. В рамках наступательного реализма государство максимизирует безопасность с достижением гегемонистского статуса. Это основано на невозможности количественно определить сколько мощности достаточно для достижения целей безопасности. С этой точки зрения события 11 сентября 2001 г. послужили поводом для США обеспечить максимальную безопасность и добиться своего гегемонистского статуса. Фактически международное поведение США поставило перед региональными игроками дилемму безопасности, которые хотели защитить свой статус и противостоять системному вмешательству.

Государство, действующее из оборонительной позиции реализма, направлено в первую очередь на защиту своего статуса, в то время как наступательная стратегия реализма направлена на расширение и гегемонистские устремления государства.

Россия сосредоточила свое внимание на защите своей роли и статуса в регионе, поскольку экспансионистская и гегемонистская политика выходит за рамки ее военных и экономических возможно-

стей. Россия, не являясь великой державой, как СССР, рассматривает свое ближнее зарубежье как сферу влияния, приобретенную по праву истории, как пространственное определение, в котором она пользуется определенными прерогативами.

Российское руководство восприняло американскую стратегию расширения НАТО как знак гегемонистской экспансии или стремления – концепция, подпадающая под спектр наступательного реализма. Драматические события 11 сентября 2001 г. стали поворотным моментом в , поскольку они выявили способность великой державы защитить свои интересы и послужили мотивационной основой для американской стратегии, воспринимаемой третьими сторонами как стремление к гегемонии.

Внешнюю политику США нельзя рассматривать просто как «единую» реакцию на внешние стимулы, связанные с выживанием. По сути, стратегическое преимущество США в рамках евроатлантического партнерства позволило им превратить национальную политику в трансатлантическую. В результате американская политика по отношению к странам Восточной Европы и Евразии создала стратегические, операционные препятствия для самостоятельного участия Европы в делах региона.

Мировой порядок на раннем этапе после холодной войны создал вакуум с точки зрения уравнивания американской силы. Хотя в начале периода после холодной войны Россия не могла усомниться в превосходстве Америки из-за внутренних проблем, нечеткой советской национальной стратегии и ограниченных средств, в 2000-х гг. новое руководство России вернуло страну в международную политику. Новое российское видение глобального порядка исходит из неудовлетворенности установленным распределением власти и ролей на региональном уровне в Евразии, и что международная система на раннем этапе после холодной войны не служил интересам РФ.

Для России планы по расширению НАТО были критическим вопросом, особенно когда не было согласия относительно того, на какие уступки будет готова пойти Россия или, что НАТО готова предло-

жить в процессе переговоров. В результате Россия уже давно рассматривает любые действия НАТО как наступательный акт, направленный на ограничение того, что Россия считает своей жизненно важной зоной интересов, унаследованной историей и сферой влияния своей региональной роли.

В случае с проблемой противоракетной обороны НАТО в Европе эта политика обнажает старую проблему безопасности Москвы, унаследованную бывшим Советским Союзом. Очевидно, что российская сторона, движимая своей концепцией действовать в качестве преемника государства Советский Союз, рассматривает бывшую советскую сферу влияния как стратегическое пространство, где она может осуществлять прерогативы региональной власти. Эта концепция может быть несовместима с западными либеральными взглядами, однако в системе, ориентированной на государство, она представляет собой серьезную точку трений, которая может привести к эскалации конфликта. За последние годы Россия формулировала представления и оценочные суждения о НАТО, действующей как ось американской гегемонии. Это восприятие было усилено русофобской риторикой в США и тех, кто предвидит миропорядок, в котором Россия играет минимальную роль и не оказывает существенного влияния.

Со своей стороны, европейские партнеры Америки поддерживали политику приближения России к трансатлантическим институтам, хотя и признавали институциональные недостатки в области прав человека и демократического функционирования российской политической системы. В основе принятой политики лежала определенная «гибкость» критериев оценки и номинальное желание не изолировать Москву и не превращать ее в потенциальную или реальную угрозу европейской безопасности. Один из аспектов дискуссии был сосредоточен на том, должно ли конструктивное участие России заключаться в приглашении или интеграции России в новый мировой порядок.

Позиция США неизбежно повлияет на российско-американские отношения, энергетическую безопасность ЕС, политику России в региональных и международных делах, а также на германо-рос-

сийские отношения, построенные на национальных предпочтениях [6]. Более того, это может повлиять на режим сотрудничества ЕС, когда дело доходит до поддержки американской политики, поскольку близость делает Россию намного более важной для европейцев, чем для американцев. В результате стратегический выбор США имеет решающее значение для степени сотрудничества между ЕС, США и Россией, а также для внутри европейских отношений.

Расширение НАТО с позиции России

Расширение НАТО представляет собой политическое решение, а не просто выбор, по которому новый член мог бы усилить военный механизм альянса. В рамках этого спектра дебаты о расширении были сосредоточены на политических аспектах расширения и не ограничивались явно военным аспектом или строго стратегическими мотивами.

В самой России общественные дебаты по внешней политике страны проходили по-разному, заканчиваясь предложениями об альтернативных и, прежде всего, противоборствующих курсах действий – от глобалистских до националистических и экспансионистских позиций [7]. По сути, эти альтернативные ответы связаны с мотивационными аспектами оборонительного и наступательного реализма и относятся либо к защите статуса страны как региональной державы, либо к расширению ее влияния и ее стратегической глубины. В конечном итоге политика НАТО представляет собой независимые переменные, которые критически влияют на реакцию России.

Преобразование НАТО из механизма коллективной безопасности, который должен действовать «в зоне действия», в расширенное политическое средство продвижения строго западных интересов «за пределами зоны ответственности» представляет собой угрозу национальным интересам Москвы и создает дилемму безопасности для российских внешнеполитических деятелей. Политика России в Косово, Грузии и Украине – показательные примеры восприятия Россией себя отстраненной нового мирового порядка. К. Уолтц предполагает, что «судьба каждого государства зависит от его реакции на действия других государств». По сути,

эта оценка проистекает из тщательного изучения структурных переменных и отражает неореалистический подход к влиянию системы на поведение государства. Он считает структуру «главным определяющим фактором результатов на системном уровне», поскольку «она поощряет одни действия и препятствует другим» [8].

С точки зрения возможностей и расположения средств (экономических и военных) Россия может играть не гегемонистскую, а второстепенную роль, по крайней мере, в среднесрочной перспективе. В результате российская политика несет в себе элементы, которые можно найти в пределах спектра оборонительного, а не наступательного реализма.

Негативное восприятие также проистекает из неотъемлемого отсутствия «понимания российских и американских основ», проблемы, связанной с политической философией, отсутствия инновационного, интеллектуального подхода к вопросам международной безопасности и неспособности или нежелания политиков обеих сторон отказаться от стереотипов времен холодной войны [9].

В стратегическом плане и с точки зрения безопасности расширение НАТО в ближнем зарубежье России активизирует дебаты о дилемме безопасности, восприятию угроз и все это может быть связано с логикой оборонительного реализма со стороны России. Это означает, что внешнюю политику России следует анализировать не как добровольный выбор, а как реакцию (политическую, военную) на давление, оказываемое самой региональной структурой.

Политика НАТО в Восточной Европе и Евразии рассматривается Россией как вмешательство, переменная на системном уровне, которая тщательно исследуется в рамках структурной теории. В то же время мировой финансовый кризис в 2008-2010 гг. и выход из пандемии COVID-19 могут повлиять на полярность системы и общее распределение власти в международной системе. Многогранные кризисы представляют собой общие, но асимметричные вызовы взаимозависимому миру, но они открывают возможности для расширения экономического и политического влияния сильных игроков.

Стратегические параметры, определяющие соотношение конфликт-сотрудничество между Россией и трансатлантическими партнерами, могут быть сформулированы следующим образом: региональные интересы России, интересы США в регионе, общая политика расширения НАТО, отношения между ЕС и Россией, важность России для ЕС как поставщика энергии и гарант европейской безопасности и, наконец, готовность Америки признать региональные интересы России. Все это связано с расширением роли НАТО, стратегией Североатлантического союза «выйти на глобальный уровень», а также со способностью США контролировать и влиять на мировые тенденции [10].

Осознаваемые российской стороной угрозы не связаны с выживанием в традиционном контексте классического реализма. Они анализируются через призму регионального влияния, попытки навязать западные ценности и стратегический проект, резко ограничивающий масштабы и операционную среду российской внешней политики. Российское руководство рассматривает расширение НАТО как проект США, служащий, прежде всего, американскому глобальному господству, политику, подпадающую под призму наступательного реализма.

Расширение НАТО представляет собой угрозу безопасности России. Восприятие окружения не способствует установлению кооперативного менталитета и ограничивает перспективы достижения консенсуса [11]. Вышесказанное практически относится к постоянно устойчивому набору вопросов, связанных с теориями международных отношений.

Неоклассический реализм использует предположения, поддерживаемые классическим реализмом и неореализмом, но при этом фокусирует анализ как на «аналитическом понятии» в исследованиях безопасности и как «промежуточной переменной» в изучении внешней политики. Неоклассический реализм как теория внешней политики включает: 1) количественное сужение независимых или объясняющих переменных до относительной силы, 2) определение промежуточных переменных в форме государственной структуры, восприятия лидеров и их расчетов

относительной силы и мощи своего государства, 3) использование методических инструментов, основанных на анализе исторических событий, 4) сосредоточение внимания на причинах действий и поведения государства [12].

Россия рассматривает американские мотивы с двух сторон. Во-первых, оценивает лидерство Америки в спектре отношений между ЕС и США и убедительную способность США влиять на европейскую политику. Во-вторых, основывается на роли и интересах США в мировой политике и на их попытке навязать гегемонистскую структуру. Британский историк с Найл Фергюсон предполагает, что «американцы не «делают» империю; вместо этого они занимаются «лидерством», или, говоря более академическим языком, «гегемонией» [13], однако мотивационные подходы и объяснения могут различаться в зависимости от восприятия и когнитивных оценок угроз.

В постбиполярную эпоху Россия рассматривалась одновременно как потенциальная угроза европейской безопасности и желанный партнер. Вопросы, на которые лидеры НАТО должны ответить при построении стратегии расширения, следующие: указывает ли западная концепция мирового порядка на региональную роль России? Желает ли Североатлантический союз строить отношения с Россией на основе признания российских региональных интересов? Как изоляция Москвы повлияет на отношения между ЕС и США?

Выбор России во внешней политике в Евразии и на Кавказе можно объяснить с точки зрения оборонительного реализма, который связывает поведение государства со структурой в условиях анархичной природы международных отношений. В конечном итоге эта цель привела к тому, что структурный реализм К. Уолтца был признан системной теорией международной политики, которая обеспечивает всестороннюю теоретическую основу анализа внешней политики. Это означает, что интересы России на постсоветском пространстве должны признаваться, а внешняя политика России оцениваться с точки зрения необходимости предоставления причинно-следственных связей для их понимания.

После распада СССР Украина сделала стратегический выбор в пользу политики неприсоединения, поскольку геополитические условия и изменчивость российской политики не благоприятствовали членству в НАТО. Это решение было продиктовано, во-первых, необходимостью избежать обострения отношений с Россией, а во-вторых, потому, что внутренняя поддержка членства была слабой. Расширение НАТО в отношении Украины номинально направлено на построение «стабильной, мирной и неделимой Европы» [14]. Подписание в 1997 г. Хартии об особом партнерстве между НАТО и Украиной было признано украинскими дипломатами «политическим обязательством по обеспечению неделимости европейской безопасности путем усиления закрепления Украины в евроатлантической архитектуре» [15].

Однако в мае 2002 г. и после террористических атак против США 11 сентября 2001 г. Украина объявила о своем намерении пересмотреть свою национальную стратегию и подать заявку на членство в НАТО. Пересмотренная политика, по всей видимости, была вызвана двумя факторами. Первый касается решения В. Путина поддержать США в войне с терроризмом и такой подход Москвы улучшил российско-американские отношения и открыла путь к более тесным отношениям между НАТО и Украиной. Это косвенно подтверждает то предположение, что как только Россия сформулирует позитивную ментальную модель в отношении НАТО и обеспечит свои региональные интересы, она может принять компромиссную политику. Второй связан с оценкой украинского руководства, согласно которой членство в НАТО было важной целью для прекращения изоляции страны и средством для начала новой эры в национальной стратегии с целью сближения ее с НАТО. В конечном итоге членство в НАТО само по себе не оптимизирует европейскую безопасность, если все участники уравнивания региональной безопасности не считают его процессом абсолютных выгод [16].

Оценочные суждения в форме восприятий или неправильных представлений имеют значение и определяют поведение государства. То же самое касается оценочных суждений в отношении

политики России, сформулированной как «ревизионистская». Стивен Сестанович отвергает предположение, что российская внешняя политика несет в себе элементы ревизионистской политики. Для него термин «ревизионистская» политика относится не к территориальным недовольствам, а к широкому чувству неудовлетворенности достигнутыми соглашениями и договоренностями, принятыми за последние двадцать лет, в то время как Россия якобы была слишком слаба, чтобы эффективно защищать свои интересы. С этой точки зрения, «ревизионизм» это когда Россия пересматривает эти договоренности и пытается решить, какие из них она хочет оспорить» [17].

Россия приняла неохотно, стратегический выбор, поддерживаемый США и ЕС, расширение НАТО на Центральную и Восточную Европу. Для многих это было проявлением слабости Москвы. В этом спектре евразийская политика России представляет собой тонкую красную черту в решимости России поддерживать порядок, который служит ее интересам на минимальной основе. В этом случае политику России следует рассматривать через осознание того, что Москва не может отступить еще дальше в своих усилиях по защите зоны национальных интересов. Стратегия включения России в трехсторонние отношения безопасности с США и ЕС может способствовать установлению рамок взаимопонимания [18].

Российский взгляд на миропорядок отвергает однополярный мир. Хотя международная система в начале периода после холодной войны была определена как однополярная, безопасность, предоставленная в новом тысячелетии, изменилась, и Россия снова стала видимой.

Российское сотрудничество основано на условности и признании российских региональных интересов. В концепции российской внешней политики по отношению к ближнему зарубежью был включен термин «привилегированные интересы», и в ней определен ряд основополагающих принципов концепции внешней политики, а именно: уважение международного права, многополярность, не конфронтационные подходы и признание привилегированных интересов России.

Неспособность Запада включить Россию в мировой порядок вызывает раскол, создаст конфликтную обстановку, поскольку государства действуют не из альтруистических мотивов, а исходя из национальных интересов [19].

Раскрывая вопросы региональной и глобальной безопасности, суверенитета, политики великих держав, в глобальной и региональной взаимосвязи, делает постсоветское пространство одним из самых интересных примеров для наблюдения и понимания внешней политики России. Очевидно, что внешняя политика современной России определяется, традициями, внутренними институтами, а также стремлением к влиянию на евразийском пространстве как ключевой зоне своих национальных интересов и признание этого со стороны крупных западных держав. Эти императивы являются ключевыми для понимания поведения России и могут объяснить содержание внешней политики, включая основные положения оборонительного реализма.

Список литературы

1. *Lobell St. E.* Structural Realism/Offensive and Defensive Realism, in Oxford Research Encyclopedia of International Studies .Wiley-Blackwell, 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://oxfordre.com/internationalstudies/view/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-304> (дата обращения 11.02.2021).
2. *Бартош А.А.* Саммит НАТО в Варшаве: предварительный анализ // Власть. – 2016. – № 9. – С. 25-30.
3. *Stuart D.* NATO's Future as a Pan-European Security Institution // NATO Review. – 1993. – Vol. 41. – August, №. 4.
4. *Daalder I., Goldgeier J.* Global NATO // Foreign Affairs. – September/October 2006.
5. *Mearsheimer J.* The Tragedy of Great Power Politics. W. W. Norton. – New York, 2003. – p. 35.
6. *Ивкина Н.В.* Европейская безопасность: исследования аналитических центров Германии: монография. – М. Аспект Пресс, 2020. – 160 с.
7. *Цыганков А.П., Цыганков П.А.* Социология международных отношений: Анализ российских и

- западных теорий. – М. Аспект Пресс, 2006. – 238 с.
8. *Waltz K.* Theory of International Politics. – Reading, MA: Addison-Wesley. 1979.
 9. *Злобин Н.* Второй новый миропорядок. Геополитические головоломки. – М.: Эксмо, 2009. – 320 с.
 10. *Хлопов О.А.* Внешняя политика США в изменяющейся структуре глобальной безопасности XXI века: монография. – М. РУСАЙНС, 2020. – 260 с.
 11. *Smith J.*, The NATO-Russia Relationship, Defining Moment or Deja Vue? / Centre for Strategic and International Studies. November, 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://csis.org/files/media/isis/pubs/081110_smith_natorussia_web.pdf (дата обращения 14.02.2021).
 12. *Taliaferro J.W., Lobell S.T., Ripsman N.M.* (ed), Introduction: Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy. – Cambridge University Press, 2009. – 324 p.
 13. *Фергюсон Н.* Империя: чем современный мир обязан Британии. – М.: Астрель, CORPUS. – 2013.
 14. NATO-Ukraine Charter on Distinctive Partnership, Madrid, 9 July 1997. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archives.nato.int/charter-on-distinctive-partnership-between-north-atlantic-treaty-organization-and-ukraine-2> (дата обращения 10.02.2021).
 15. *Posen B.* European Union Security and Defence Policy: Response to Unipolarity? // Security Studies. – 2006. – Vol. 15. – No. 2. – pp. 149-186.
 16. *Forsberg T.* Russia and the European Security Order Revisited // European Politics and Society. – 2019. – № 20(2). – pp.154–171. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/23745118.2018.1545182> (дата обращения 17.02.2021).
 17. *Sestanovich St.* Russian-American Relations: Problems and Prospects / Testimony before the House Foreign Affairs Committee. May 17, 2007,
 18. *GrahamTh.* Let Russia Be Russia: The Case for a More Pragmatic Approach to Moscow // Foreign Affairs. 2019, November/December. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2019-10-15/let-russia-be-russia>. (дата обращения 21.02.2021).
 19. *Mearsheimer J.* Why the Ukraine Crisis is the West's Fault: The Liberal Delusions that Provoked Putin // Foreign Affairs. 2014 93 (5), pp. 77–89.

Статья поступила в редакцию 18 февраля 2021 г.

Принята к публикации 26 марта 2021 г.

Ссылка для цитирования: Хлопов О.А. Отношения России с НАТО и система европейской безопасности в контексте концепций неореализма // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2021. № 1(33). С. 5-13. DOI: <https://doi.org/10.37468/2307-1400-2021-1-5-13>